ВСЕВОЛОДЪ ИВАНОВЪ

КРАХЪ БѢЛАГО ПРИМОРЬЯ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЖУРНАЛИСТА

ТЯНЬЦЗИНЪ

1927 г.

ВСЕВОЛОДЪ ИВАНОВЪ

Крахъ бѣлаго Приморья.

Изъ записокъ журналиста

ТЯНЬЦЗИНЪ

1927 г.

22 Октября 1922 года покинулъ я съ п-х. "Фузанъ-Мару" Владивостокъ, доживавшій свои "бѣлые" дни. Море, скученность бѣженцевъ, неизбѣжныя препиранія съ сосѣдями—все однако, не заслоняло центральной мысли—вопроса :

—Какъ дошла ты до жизни такой?

Невпервой было переживать исходъ; собственно говоря, Сибирская и общественность, и армія были развращены этой легкостью отступленія, этими безпредѣльными пространствами, въ которыхъ, казалось, было возможно безъ конца двигаться и двигаться назадъ, къ Востоку. А здѣсь было нѣчто новое. Здѣсь былъ конецъ Россіи, исходъ за границу. Здѣсь былъ рубежъ, послѣ котораго слѣдовало себя провѣрить и дать себѣ отчетъ:

—Да все ли благополучно въ нашемъ образѣ дѣйствія, если приходится переживать такія потрясенія?..

И вотъ нижеслѣдующія записки набросаны мной въ качествѣ отвѣта на вышеприводимый вопросъ. Въ маленькой японской гостинницѣ въ Гензанѣ, на полу, сидя цѣлыя сутки за маленькимъ японскимъ столикомъ, я набрасывалъ эти скорбныя строки, рисующія горечь пережитого..

Прошло уже почти 5 лѣтъ, какъ онѣ написаны, но, перечитавъ ихъ, я предлагаю ихъ вниманію читателя. Онѣ живы до сихъ поръ. Съ Владивостокомъ въ нашемъ "восточномъ" направленіи кончился тотъ періодъ "бѣлой" контръ-революціи, который относительно легко складывался съ 1918 года. Теперь уже національное движеніе не можетъ сложиться такъ легко, хотя бы

потому, что у насъ нѣтъ подъ ногами руской почвы.

Поэтому, небезполезно будетъ кой кому вспомнить, какъ "это было", вспомнить роль многихъ лицъ въ той сумятицѣ, которая привела къ непозволительному и вовсе не необходимому краху Приморья. Тѣмъ болѣе, что тогда казалось, что все это будетъ забыто въ волнѣ грядущихъ передрягъ, но теперь ясно, что въ нашихъ современныхъ нестроеніяхъ живутъ и дѣйствуютъ тѣ же фигуры, которыя дѣйствовали 5 лѣтъ тому назадъ.

И тѣмъ болѣе оснований показать ихъ на историческомъ ихъ горизонтѣ.

Вс. И.

Мартъ 1927.

Вмѣсто пролога.

Это длилось дни, нѣсколько дней, и всего страшнѣй это было подъ вечеръ исхода, 22-го октября.

Цѣлые дни у покосившейся набокъ туши моего п.—х. "Фузанъ-Мару" толпились кучи народа. Толпы людей метались съ озабоченно—спокойными лицами, таща чемоданы корзины, весь свой оскудѣвшій скарбъ. Октябрьское блѣдное солнце быстро свершало свой кругъ надъ этой пестрой толпой, охваченной паникой уѣзжанія, и приходилъ вечеръ, темный, безъ электрическаго уличнаго освѣщенія, такъ какъ электрическая станція бастовала.

Кого не было въ этой толпѣ? Офицеры, чиновники, священники, члены правительства, члены парламента и націоналистическихъ организацій Д.В., и, наконецъ, рядовые члены, участники національныхъ организацій, бѣгущіе изъ Владивостока.

Все это суетилось и грузилось. Тарахтя въ темнотѣ подъѣзжали телѣги со скарбомъ и съ семьями.

Печальная картина этого исхода не ограничивалась однимъ нашимъ пароходомъ. Рядомъ стоялъ другой пассажирскій пароходъ, — "Нодо-Мару" который тоже впитывалъ въ себя, какъ губка, рыхлый примесъ національнаго движенія.

Рейдъ былъ занятъ судами Сибирской флотиліи — и реквизированными на одинъ рейсъ пароходами Добровольнаго флота и гр. Кейзерлинга. На нихъ грузились семьи военнослужащихъ, сами военнослужащіе, однимъ словомъ — все, что имѣло отношеніе къ дѣйственному Приморью послѣднихъ полутора лѣтъ.

Крахъ, полный крахъ, катастрофа — вотъ что читалось на растерянныхъ лицахъ несчастныхъ русскихъ людей, вновь пускающихся въ безвѣстную даль.

Это былъ катастрофическій финалъ полуторагодичнаго существованія Приморья, существованія героическаго, почти немыслимаго, существованія, на которое лилось столько газетныхъ помоевъ со всѣхъ сторонъ, яростно убѣждав-

шихъ эту кучку людей не рыпаться, не терять силъ и опускаться на дно прежде времени, финалъ, разразившійся съ неожиданностью іюльскаго града.

Но фактъ оставался фактомъ. Оттянули трапъ, замелькали платки, заработали машины, продвинулись чернѣющіе въ малиновыхъ сумеркахъ, усѣянные огнями мощные силуэты созерцающихъ "Инссина", "Кассуги", "Карляйля", "Сакраменто", и надъ пылающимъ Западомъ, надъ чернымъ похороннымъ Владиво дрожа въ водѣ рубиномъ, встали Вечерняя Звѣзда.

***

Итакъ, крахъ, катастрофа, бѣгство, удираніе, все то, что можетъ приложить къ этому тѣлу хлесткій, разнузданный обывательскій языкъ?!

Да, все это налицо! Красное воинство, голодное, разутое, вшивое немногочисленное, стоитъ уже на 2-ой Рѣчкѣ, куда носятся шикарные, чернаго лака, лимузины японскаго командованія съ японофлагами. Воинство пригналось по пятамъ сюда во Владивостокъ за отступающими, уже сложившими оружіе казаками ген. Глѣбова. Оно гонится по пятамъ за уходящимъ на Посьетъ и Хунчунъ ген. Молчановымъ, пушки котораго были слышны во Владивостокѣ при переходѣ черезъ р. Суйфунъ. И вовсе не революціонной психологіей гонится въ наступленіе это пушечное мясо коммунистической исторіи. Развѣ голодъ не движетъ цѣлыми милліонами людей, ведя ихъ на вѣрную смерть за призракомъ пищи? Развѣ слегка подкормленный и снабженный винтовкой голодный не покажетъ въ общей массѣ чудесъ храбрости по "завоеванію" неразворенныхъ еще въ конецъ чудесныхъ мѣстъ, гдѣ на лоткахъ продаютъ открыто такія чудныя вещи, какъ бѣлый хлѣбъ, колбасу и водку, эти вѣсомыя свидѣтельства невѣсомыхъ но естественныхъ соціальныхъ отношеній?

— За хлѣбомъ!

Конечно, есть точка зрѣнія, по которой, собственно, все обстоято благополучно. На мой вопросъ, каково положеніе, одинъ японецъ, офицеръ Генеральнаго Штаба отвѣтилъ мнѣ такъ:

— Смотря для кого.... Для красныхъ хорошо, для бѣлыхъ плохо!

Конечно такая относительная точка зрѣнія найдетъ себѣ много последователей. Но есть еще иная точка зрѣнія, которую мы и займемъ въ этомъ вопросѣ.

Мы не могли и не можемъ признать хотя бы отдаленной цѣлесообразности во многихъ до конца разрушительныхъ проявленіяхъ русской революціи, вопреки существующихъ фаталистическихъ взглядовъ Мы боролись противъ такъ называемаго "углубленія революціи", противъ неосмотрительнаго выхериванія тѣхъ принциповъ, которые придется завтра же возстанавли-

вать, потому что они вѣчны. Смѣшно, напримѣръ, первой буквой слова Нэпъ ставить Н; тамъ должно стоять С, т. е., не "Новая экономическая политика", а "Старая экономическая политика", Сэпъ, ибо гекатомбы разстрѣлянныхъ за свободную торговлю въ 1918—19 г. г. все же не погасятъ памяти о томъ, какъ торговали раньше. И не естественно ли было не отбояриваться отъ такихъ экспериментовъ?

Мы боролись, далѣе, за сохраненіе національныхъ традицій, ибо не лѣпо объявлять войну прошлому, войну мертвецамъ; вѣдь самъ Господь Богъ не въ силахъ сдѣлать бывшее небывшимъ.

А между тѣмъ, чѣмъ является само по себѣ "углубленіе революціи", какъ именно не войной противъ покойниковъ? Одно сбрасываніе памятниковъ, пронесшееся по всей Россіи, чего стоитъ. Вотъ почему, совершенно сознательно, Приморье выкинуло лозунги послѣдовательнаго національзма.

Такъ думала группа людей, которая возглавляла въ 1921 г. движеніе, приведшее къ перевороту 26 мая 1921 года во Владивостокѣ. Одинъ изъ руководителей группы этой, одинъ изъ братьевъ Меркуловыхъ, въ частномъ разговорѣ выразился по этому поводу такъ:

—Если бы въ Приморьѣ не было коммунистическаго вліянія, а правило бы дѣйствительно активное Народное Собраніе, то и переворотъ устраивать было бы незачѣмъ........

Эта же мысль ярко была выражена въ одной изъ первыхъ прокламацій, выпущенныхъ Временнымъ Приамурскимъ Правительствомъ. Тамъ было прямо сказано, что Ижевцы и Воткинцы, "идущіе за Учредительнымъ собраніемъ съ Волги и Камы"-не могли бы допустить здѣсь, хотя бы въ маленькомъ Приморьѣ, попранія коммунизмомъ принципа демократіи, принциповъ свободнаго строя....

Такъ думали руководители движенія въ Приморьѣ въ 1921 году И поэтому намъ теперь позволительно поставить вопросъ:

— Да правы ли тѣ, кто говоритъ, что все равно, кто-красные или бѣлые будутъ въ Приморьѣ? (А многіе, покоряясь, говорили такъ). На кой чертъ нуженъ этотъ бухаринскій котелъ коммунизма, полный страданій и проклятья Нельзя ли избѣжать его напряженіемъ воли?

Въ этомъ былъ главный вопросъ. Но при его фактическомъ разрѣшеніи, воля немногихъ боролась съ приступами всеобщаго развала и упадка, разложенія дезорганизаціи и апатіи.. Контръ-революція явно, раздваивалась.

Одна - горячая, оголтѣлая и безтолковая утверждаетъ, что, вообще, ничего не было. Ни революціи, ни

ея послѣдствій, и прочая и прочая. Бѣлая и кровавая, эта контръ-революція претъ, не считаясь ни съ силами, ни съ возможностями, ни съ обстоятельствами. Она представляетъ изъ себя ту ярость, ту контръ-энергію, ту радость мщенія, которая рождается изъ судорогъ "стараго порядка".

Есть контръ-революція иная. Вѣдь, допустимо же, что есть люди, которые въ самыя горячія времена народныхъ возстаній, бунтовъ и увлеченій не теряютъ головы.

Пусть они даже и думаютъ, что изъ эксцессовъ революціи можетъ вытечь новый отличный строй, но это нисколько не помѣшаетъ имъ брезгливо отворачиваться отъ "губподвала", наполненнаго грязными, мычащими въ нечеловѣческомъ ужасѣ, мечущимися людьми, среди которыхъ накокаиненный чекистъ съ кольтомъ въ рукѣ выбираетъ очередную жертву.

И развѣ нельзя хохотать во все горло надъ тѣмъ, какъ коммунистическія синицы, хвалившееся зажечь "всемірное море", въ своихъ Нэпахъ начинаютъ молиться опять тѣмъ же вѣчнымъ богамъ Стараго Міра?

Отрицательное отношеніе ко всѣмъ этимъ вещамъ и возможно и должно. Болѣе того,—изъ него должно рождаться возмущеніе, изъ возмущенія борьба. И если къ этому присоединится еще голосъ крови и голосъ совѣсти, звучащій національными нотами—вотъ вамъ родился второй родъ контръ-революціи, родился неистребимо, діалектически, ибо его цѣль, совпадаетъ съ цѣлью революціи самой, если она разумный процессъ:—и цѣль эта усовершентсвованіе революціи, какъ даннаго необходимаго процесса.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ обществѣ еще недостаточно распространено сознаніе различія этихъ двухъ родовъ контръ-революціи, что ведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ въ оперативномъ смыслѣ различныхъ общественныхъ группъ. И если второй видъ контръ-революціи жизнеспособенъ и необходимъ, если Приморье жило и дѣйствовало именно такимъ образомъ при Вр. Приамурскомъ Правительствѣ, то тогда, когда въ лицѣ единоличнаго Правителя Земскаго Приамурскаго края — власть захватилъ первый видъ ея—крахъ Приморья — вотъ что было слѣдствіемъ!

Въ борьбѣ двухъ этихъ видовъ контръ-революціи, послѣдовательно власти сначала второго, а потомъ перваго, и состоитъ фактическая сторона исторіи полуторыхъ лѣтъ Приамурья, которая и кончилась печально въ текущемъ Октябрѣ.

Шансы Приморья.

Могутъ задать такой вопросъ:— Вы пишите такъ, какъ будто бы крахъ Приморья не былъ уже предопредѣленъ? Развѣ давно вамъ не говорили объ этомъ, что спасенія не было?

Къ сожалѣнію у насъ, у русскихъ, цѣна тому, что "говорятъ" —очень низка. Никто не чувствуетъ для себя обязательности того, что говоритъ. И если бы введенъ былъ обычай класть въ банкъ опредѣленную сумму, чтобы гарантировать вѣрность то, что говорится, то это бы весьма оздоровило русскую общественную атмосферу.

Въ такомъ случаѣ, какъ много пари за полтора года существованія въ Приморьѣ національной власти было бы проиграно тѣми, кто былъ противъ нее. Вѣдъ провидцы отъ политики ей сулили жизни всего двѣ недѣли!

Поэтому мы можемъ оставить въ сторонѣ то, что говорили безотвѣтственные языки, а подойти къ фактической сторонѣ дѣла. Мы утверждаемъ: Приморье имѣло всѣ шансы на успѣхъ и вотъ почему такъ тяжела его гибель. У него была своя сила и сила эта заключалась въ международномъ положеніи.

Конечно, не о "наемныхъ" японцахъ и не о "японскихъ штыкахъ" идетъ здѣсь рѣчь, тѣмъ менѣе о продажѣ русскихъ интересовъ и службѣ японцамъ. Посмотримъ, какъ теперь щедро полетятъ на Востокъ концессіи куски подъ хозяйской рукой ДВР, а потомъ будемъ говорить объ этомъ. Дѣло обстоитъ гораздо проще. Революція 17-го года міромъ была встрѣчена весьма благожелательно и Временное Правительство кн. Львова было признано мгновенно. Но вотъ въ октябрѣ исполнится 5 лѣтъ, какъ міру не съ кѣмъ разговаривать въ Россіи. Некого признавать!

Всѣ переговоры съ Великими державами и Совдепіей, такъ сказать, чрезвычайно настороженны и носятъ характеръ разбора постояннаго скандала. Какіе ужъ тамъ переговоры, когда Уэльсъ везетъ въ Англію фильму, изображающую сожженіе чучела англійскаго премьера Ллойдъ-Джорджа.

Такова печальная судьба могущественной Совдепіи и мы можемъ съ увѣренностью сказать, что возникни въ Россіи хоть самое паршивое буржуазное правительство, оно будетъ признано моментально.

Значитъ вполнѣ понятно, что всякая тѣнь такого правительства, хотя бы краевого, найдетъ себѣ соотвѣтствующихъ въ союзныхъ державахъ. И вотъ поэтому то и ведутся всякіе переговоры и съ Семеновымъ, и съ бѣло-зелеными областниками, и съ Савинковымъ, и съ Врангелемъ.

Коммунисты сами отлично учитываютъ эту жажду демократіи и политической приличности, и вотъ почему дисциплинированное Дальбюро въ Читѣ устраиваетъ смѣхотворную демократію ДВР съ ея "Учредительнымъ" и "Народнымъ Собраніемъ", и прочими операми.

Рѣка Селенга покамѣстъ еще отдѣляетъ эту химерическую демократію отъ суровой кровавой мет-

рополіи Р. С. Ф. С. Р., и что жъ удивительнаго, что для Японскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ДВР является проблескомъ оздоровленія Совдепіи, тѣмъ болѣе, что оптимизмъ вѣдь имѣетъ разныя причины.

Что же удивительнаго въ томъ, что Вр. Приамурское Правительство нашло себѣ хорошій пріемъ со стороны тѣхъ классовъ японскаго общества, которые преимущественно входятъ въ военное сословіе, и представляются Военнымъ Министерствомъ. Жизненные интересы всего міра позволяли до сихъ поръ имѣть японскую экспедиціонную армію въ Приморьѣ, точно также какъ оставался тамъ до поры до времени Междусоюзный Техническій Комитетъ, который выпустилъ столь трогательную декларацію еще въ мартѣ м-цѣ 1919 года о желѣзнодорожной помощи Россіи.

Конечно, международное длящееся соизволеніе на интервенцію въ Приморьѣ было лишь формальной стороной вопроса. Его настоящей сущностью сдѣлалось борьба внутри самой Японіи, откуда на Приморье лишь проэцировалось то, что происходило тамъ.

Тамъ есть группы, стоящія у власти, такъ или иначе относящіяся къ ростущимъ революціоннымъ настроеніямъ въ самой Японіи, и сообразго тому, простирающія свои вліянія и во внѣ. Эта область тайной дипломатіи, личныхъ отношеній, той тончашей сѣти, которая ткется прежде всякихъ оффиціальныхъ отношеній, и для которой слишкомъ шумна грохочущая машина прессы и парламента. Незамѣтны, скрыты и хитры были отношенія съ Читэй, и конференціи въ Дайренѣ и Чань-Чунѣ, возможно, служили только лишь для того, чтобы отношенія эти задекорировать. Незамѣтны, скрыты и хитры были отношенія и съ Владивостокомъ. Но могущественны.

Вотъ гдѣ была сила владивостокской оппозиціи въ отношеніи ДВР. Вотъ почему формально-интервенціонныя чужія войска служили контр. революціи второго рода, вотъ почему ВО ВЛАДИВОСТОКѢ русская РЕВОЛЮЦІЯ НЕ БЫЛА ПОЧТИ УГЛУБЛЕНА ДАЛѢЕ МАРТОВСКОЙ. Вотъ почему право собственности тамъ было сохранено, населеніе пользовалось свободой дѣйствительной, и національное русское сознаніе находило оправданіе факту помощи отъ чужихъ въ общности извѣстныхъ классовыхъ интересовъ.

При столь сложномъ положеніи вещей владивостокское правительство и могло быть только персональнымъ, личнымъ. ОНО И БЫЛО ВЪ ПРОСТОРѢЧІИ МЕРКУЛОВСКИМЪ. Двумъ братьямъ Меркуловымъ, особливо старшему, Приморье и каппелевцы обязаны были тѣмъ, что они имѣли въ теченіе полуторыхъ лѣтъ—съ 1921—по 1922.

За время революціи въ Россіи было столько образовано разныхъ правительствъ, столько лозунговъ "выкидывалось," что на лозунги эти перестали даже обращать вниманіе.—НЕ въ лозунгахъ дѣло— вотъ что должно понять русское общество, а въ томъ, КАКЪ и слѣдовательно — КТО—проводить таковые.

Соотвѣтсвенно этому, передъ Вр. Приамурскимъ Правительствомъ была поставлена элементарно-трудная, основная задача, впервые за все время революціи:—а именно НАЛАДИТЬ ТЕЧЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Многаго не требовалось. Важно было, чтобы на лицо была власть, видна реальная, рѣшительная власть, поставившая себѣ маленькую, "каботажную", отнюдь не агрессивную задачу сохраненія края; чтобы дѣйствовали публичныя гарантіи примѣрно нормально. Чтобы привычныя функціи государственнаго аппарата были бы нормальны, и что все это являлось бы при скрытой внутренней потенціи какъ бы образцомъ того, что могла бы эта власть дать, если бы ей удалось расширить территорію.

И только.

Короче говоря, произведя на основаніи личныхъ возможностей переворотъ 26 мая 1921 года Вр. Приамурское Правительство было поставлено передъ рядомъ испытаній. Власть понемногу укрѣпляется; получается оружіе. Вооружается значительная армія; по крайней мѣрѣ выдавалось до 25.000 военныхъ пайковъ. Начинаетъ оживать Сибирская флотилія, кладется конецъ аппетитамъ Вандерлиповъ на Камчатку. Раздается пушечный выстрѣлъ по хищнику-пароходу, идущему подъ англійскимъ флагомъ. Начинаютъ поступать на пользу русскому населенію платежи съ иностранцевъ за пользованіе русскими рыбными и лѣсными богатствами, работаетъ на экспортѣ Уссурійская желѣзная дорога, пріобрѣтая то, что безумно растрачивается Китайскою ж. д. Прекращаются разговоры объ уборкѣ русской таможни со станціи Пограничной, гдѣ поднимается русскій флагъ. Возстанавливается пограничная стража. Налаживаются и сулятъ большія возможности отношенія съ владѣтелемъ 3-хъ Сѣверныхъ провинцій, маршаломъ Чжанъ Цзо-Линомъ. И даже пробная экспедиція на Хабаровскъ Каппелевскаго военнаго командованія, неразумная по существу, и не предполагавшаяся далѣе Имана, увѣнчивается взятіемъ Хабаровска 18 декабря 1921 года.

Испытанія выдержаны, и цѣлый рядъ документовъ рисуетъ намъ этотъ постепенный ростъ вѣса Приморья и его правительства. Постепенно меркнетъ обаяніе Семенова, этого безконкуррентнаго до сей поры въ глазахъ японской военной

партіи. Летятъ телеграммы объ этомъ правительствѣ, какъ единственно достойномъ поддержки. "Раціональная политика Меркуловыхъ", свидѣтельствуетъ Междусоюзный Техническій Комитетъ въ секретной запискѣ по поводу пріѣзда Іоффе, "привела къ тому, что съ Приамурскимъ правительствомъ нельзя не считаться".

Холодная исторія узнаетъ эти документы, еще слишкомъ теплые теперь. И узнаетъ не о Меркуловыхъ, нѣтъ. Она узнаетъ о томъ значеніи истинно русскаго дѣла, которое дѣлало Вр. Приамурское Правительство. И теперь, когда волнуется Забайкалье, когда вотъ вотъ забурлитъ Амуръ, когда безконечно повышены всѣ шансы, еще тяжелѣе, еще ужаснѣе слово:

—К р а х ъ !

Причины краха.

И мы должны изслѣдовать причины этого краха.

Болѣе того мы должны назвать виновниковъ его. Мы должны нарисовать пути, которыми къ русскому дѣлу Приморья подкрадывалось это страшное несчастье.

И самымъ замѣчательнымъ во всей этой исторіи явится то, что крахъ этотъ произвели не красные, нѣтъ, они только ринулись на ослабленную армію. Это крушеніе всѣхъ возможностей, все, цѣликомъ — дѣло рукъ бѣлыхъ правыхъ, если только за ними не было красныхъ.

Въ своей рѣчь при возобновленіи сессіи Народнаго Собранія Предсѣдатель Вр. Приамурскаго Правительства указалъ, что приблизительно до декабря 1921 года, то есть до апогея своихъ успѣховъ Правительство это работало въ сносныхъ условіяхъ.

Условія же были таковы. Сплоченныя и воодушевленныя успѣхомъ переворота, избавленіемъ отъ коммунистовъ, правыя націоналистическія группировки образовывали плотное большинство, избраннаго населеніемъ Народнаго Собранія, о которое разбивались всѣ наскоки лѣвыхъ группъ. А эти группы старались; въ каждое засѣданіе вносилось по нѣскольку дискредитирующихъ запросовъ о дѣйствіяхъ власти. Каждое засѣданіе ставилось на голосованіе предложеніе объ образованіи военной и по иностраннымъ дѣламъ комиссій и неуклонно проваливались: вѣдь была опасность, что въ нихъ попадутъ лѣвые.

Въ такомъ видѣ Приамурское государственное образованіе представляло изъ себя сплоченную группу, руководимую двумя энергичными людьми; видимое, постепенно демонстрируемое единство давало возможность удобнаго маневрированія въ вопросахъ международныхъ.

Идущая въ разбродъ, недисциплинированная печать была энергично поставлена въ надлежащія рамки. Ей не отказывалось въ правѣ критики. но лишь критики основательной, а не агитаціонно-разрушительной. Предпринимаемыя Временнымъ Правительствомъ разнообразныя мѣропріятія помирили съ его настойчивостью широкія массы, и оно стало пользоваться заслуженнымъ авторитетомъ.

Да и послѣ декабря 1921 года, когда между Вр. Правительствомъ и правыми группами Народнаго Собранія начались тренія, на почвѣ неосновательныхъ претензій Совѣта II-го Несоціалистическаго Съѣзда на руководство общей политикой, неосновательныхъ уже потому, что Вр. Правительство само являлось, Совѣтомъ 1-го Несоціалистическаго Съѣзда (мартъ 1921 г.), то общественность въ лицѣ вновь организованнаго Національно--Демократическаго Союза, объединившаго въ себѣ почти всѣ общественныя силы, выступила именно на защиту Правительства и сумѣла къ Пасхѣ 1922 года измѣнить само соотношеніе большинства въ народномъ Собраніи, и поставивъ вопросъ о перевыборѣ президіума его, въ каковой цѣликомъ почти входилъ нелойяльный Совѣтъ II-го Съѣзда. При такихъ показаніяхъ 26 мая 1922 года состоялось празднованіе годовщины переворота. Успѣхъ былъ блистательный, шумный и общенародный, хотя предсѣдатель II-го Съѣзда К. Т. Лихойдовъ сумѣлъ таки омрачить объединенное торжество неумѣстной выходкой по адресу Н.Д. Меркулова обозвавъ его постороннимъ лицомъ.

Не вдаваясь въ подробности, скажемъ, что это празднество и его кинематографическія отчеты произвело громадное впечатлѣніе въ Японіи, конечно, не повсемѣстно, а въ тѣхъ кругахъ, которые въ этомъ были заинтересованы.

Выходило такъ, что національное русское правительство Владивостока, чуть ли не за все время революціи впервые сумѣло проявить необходимую гибкость, и быть признано всѣмъ населеніемъ. Выходило такъ, что той "интервенціи", о которой орали харбинскіе "братья-писатели"—не было вовсе, ибо это правительство находилось именно въ отличныхъ съ японокомандованіемъ.

У закулисныхъ силъ Японіи, связанныхъ съ Читою, т. обр. выбивался мечъ изъ рукъ, и другая группа, въ общности съ Вр. Правительствомъ продолжала оставаться у власти.

- Но грянули событія, знаменитый "переворотъ" I—11 іюня, достойный пера Салтыкова-Щедрина недоворотъ, грянули, и...сыграли на руку графу Учидѣ, Читѣ, большевикамъ и всѣмъ, кому угодно, только не русскимъ.

Какъ извѣстно, постепенно возбуж-

дамое своими правыми лидерами Народное Собраніе послѣдніе дни своего существованія держалось крайне неспокойно. Больше того. Стало извѣстно, что лидерами, пользующимися своей депутатской неприкосновенностью ведется подготовка заговора противъ Правительства.

Актомъ Правительств отъ 31 мая вечеромъ Народное Собраніе объявлено распущеннымъ съ I-го іюня. До 12 часовъ ночи того же 31 мая члены Народнаго Собранія собрались на совѣщаніе.

Была вызвана милиція, но члены Народнаго Собранія обратились въ штабъ III-го корпуса расположеннаго неподалеку. Ген. Молчановъ, со свойственной ему рѣшителностью, вызвалъ офицерскій караулъ.

Событія сей ночи начали принимать калейдоскопическій и вмѣстѣ съ тѣмъ, траги-комическій характеръ. На этомъ знаменитомъ засѣданіи не присутствовало свыше 20 членовъ большинства, да и остальные расходились. Власть "Правительства Меркуловыхъ" была объявлена опредѣленной кучкой низвергнутой, и "вся полнота власти" переходила къ Народному Собранію въ лицѣ предсѣдателя Андрушкекевича (монархиста) товарищей— ген. Болдырева (демократическій союзъ, соглашатель). Абоимова (эсеръ), секретарей Широкогорова и Лякера (правые).

Однако, никто кромѣ организаціи Владивостокскихъ грузчиковъ да плѣнныхъ красноармейцевъ изъ лагеря Русскаго Острова, сей парламентской власти не привѣтствовалъ. Общественныя организаціи всѣ поголовно поднялись на дыбы, и посему, постановленіемъ Народнаго Собранія, народу было даровано коллегіальное правительство въ лицѣ предсѣдателя Лихойдова и членовъ—И.И. Еремѣева, и ген. Дитерихса, котораго временно замѣщалъ ген. Молчановъ.

Такимъ образомъ, на сторонѣ новаго, на живую нитку сшитаго "Правительства" оказалась армія, т. е. войсковыя части, вѣрныя ген. Молчанову. Другіе войсковыя части, а также флотилія съ адмираломъ Старкъ во главѣ стали на сторону Меркуловыхъ, т. е. даже не ихъ сторону, а на формальную сторону недопустимости переворота.

Бр. Меркуловы, со свойственной имъ энергіей, засѣли въ бесть въ домѣ Старцевыхъ, по Свѣтланской улицѣ, гдѣ и кончился этотъ бунтъ пріѣздомъ и рѣшеніемъ ген. Дитерихса,

Мы небудемъ излагать снова всѣхъ обстоятельствъ этой печальной исторіи. Отмѣтимъ лишь два пункта:

А) Бунтъ 1-11 іюня означалъ, кромѣ всего прочаго, пораженіе политики японской военной партіи. Онъ въ корнѣ аннулировалъ впечатлѣніе отъ празднованія 26 мая. Ну, не было ли большихъ доказательствъ для связанныхъ съ Читой

японскихъ противниковъ интервенціи, чтобы доказать всю несостоятельность правительства, противъ котораго выступаетъ даже Народное Собраніе?

Японскія войска могли бы остаться въ Приморьѣ и помочь ему и избѣгутъ переживаній углубленной революціи. Этому помѣшалъ бунтъ.

Б) Съ этого момента начинается совершенно свободное, ничѣмъ болѣе не скованное дѣйствіе центробѣжныхъ силъ. О высокой политикѣ нѣтъ больше никакой рѣчи. Все, что можетъ отдѣлится, отдѣляется и дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, повторяя Крыловскую басню о Лебедѣ Ракѣ и Щукѣ. И намъ стоитъ только ,отмѣтить каждое изъ этихъ отдѣленій, чтобы получить полное представленіе о силахъ, приведшихъ Приморье къ краху.

Силы эти суть слѣдующія:

а) Армія и ея генералитетъ.

б) Торгово-промышленная палата

в) Общественныя организаціи.

г) Земскій Соборъ и

д) Генералъ Дитерихсъ.

Армія и генералитетъ.

Передъ переворотомъ 26 мая 1921 года полковникомъ Ловцевичемъ было передано С. Д. Меркулову отъ лица командованія арміей торжественное заявленіе, что она "безоговорочно подчиняется Совѣту 1-го Несоціалистическаго Съѣзда въ лицѣ его Предсѣдателя", т. е. его, С. Д. Меркулова. Въ этомъ же заявленіи было требованіе, чтобы, въ случаѣ образованія Правительства, во главѣ таковаго сталъ С. Д. Меркуловъ.

Какъ оказалось, однако, одно дѣло было дать такое заявленіе, а другое его исполнять. Уже немедленно послѣ переворота 26 мая, какъ только генералитетъ вновь почувствовалъ былую власть, которую онъ утратилъ было, сидя въ Никольскѣ въ ДВР, какъ начались тренія между, генералитетомъ и Правительствомъ. Въ сущности говоря, тѣ 10.000 человѣкъ, которые составляли тогда каппелевцевъ и семеновцевъ, нельзя было считать "арміей": это былъ просто отрядъ и достаточно было, напр., поставить какого-нибудь честнаго, ловкаго человѣка, чтобы это армія была накормлена, обута и одѣта.

Однако надъ этой ничтожною арміей распухаютъ Штабы, растетъ громада „снабженія", во главѣ съ ген. Бырдинымъ, въ роли Начальника Снабженія; и вокругъ снабженія начинаютъ циркулировать мрачные слухи. Такъ, напр., Торгово-Промышленная палата, имѣющая своего представителя въ Комиссіи по продажѣ грузовъ, изумляется тому обстоятельству, куда моментально исчезаютъ отпущенная „арміи" кожа, достаточная чуть не на 500.000 подошвъ и бязь на 75.000 комплектовъ бѣлья!

Время шло и военная бюрократія-худшая изъ бюрократій, распухла во всю. Штабы переполня-

лись; а въ лицѣ ген. Вержбицкаго армія имѣла рекламатора, который при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ заявлялъ, что „я и моя армія шли сюда (Sic!) съ береговъ Волги и Камы за Учредительнымъ Собраніемъ".

Не далеко была ли эта цѣль?

Начальникомъ Штаба генерала Вержбицкаго состоялъ ген. Ф. А. Пучковъ. Человѣкъ не глупый, но ограниченный, свято вѣрующій въ принципы демократіи, онъ сразу же внесъ подозрительность по отношенію къ бр. Меркуловымъ, людямъ безусловно праваго толка, которыхъ, однако, природный умъ и тактъ удерживали отъ ошибокъ въ этомъ направленіи. Ген. Пучковъ вліялъ на генерала Вержбицкаго въ смыслѣ эмансипаціи того отъ правительства. Кончились эти старанія тѣмъ, что ген. Вержбицкій входитъ въ составъ Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами, на правахъ Военнаго Министра, гдѣ, пользуясь своимъ положеніемъ, въ качествѣ „представителя военной силы", ставитъ иногда свое veto , или проводитъ вопросы, далеко выходящіе изъ его компетенціи.

По нѣкоторымъ изъ вопросовъ, между нимъ и главой Правительства возникаетъ даже цѣлая переписка, въ которой ими ставятся другъ другу ультиматумы.

Такое ненормальное положеніе сказалось особенно остро, когда начались извѣстныя тренія между Правительствомъ и Народнымъ Собраніемъ. Ген. Вержбицкій становится на сторону Народнаго Собранія, въ качествѣ чистой воды «парламентарія», не соображая того, что лидеры Народнаго Собранія, ратовавшіе тогда о парламентаризмѣ—Н. А. Андрушкевичъ, П. В. Оленинъ, С. М. Широкогоровъ, В. Ѳ. Ивановъ, В. П. Донченко и другіе—были формальными зубрами, а никакъ не парламентаріями и вели свою интригу, главнымъ образомъ, чтобы "сшибить Меркуловыхъ".

Армія, въ лицѣ своего главы, хватавшагося за авторитетъ, оказывается втянутой въ политику. Предсѣдателю Правительства сосуществуетъ такимъ образомъ другой глава,—Командармъ, который не только равенъ съ нимъ въ правахъ, но даже его и превосходитъ, въ угрозахъ силой.

Среди этого разгула штабныхъ самолюбій въ игру оказались вовлеченными и другія лица. Такъ, очень большую роль сыгралъ ген. Молчановъ. Нервный, слабый, раздражительный, храбрый воинъ, но наркоманъ, онъ и въ политику внесъ элементъ почти что партизанскій. Человѣкъ, чуть не со слезами на глазахъ убѣждавшій во время Нерчинскаго похода въ 1920 году своихъ комбатантовъ въ искренности атамана Семенова, становится его яростнымъ врагомъ. Ярость эта горитъ въ немъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1921 года, когда

атаманъ Семеновъ стоитъ на «Кіодо Мару» на рейдѣ Владивостока. Точно также вначалѣ почти влюбленный въ Меркуловыхъ, онъ потомъ дѣлается ихъ смертельнымъ врагомъ.

Сыръ—боръ загорается изъ-за прерогативъ Народнаго Собранія, вопросъ о которомъ особенно остро встаетъ во время Хабаровскаго похода. Парламентарствующіе зубры ловко использовали ситуацію въ докладахъ парламентской комиссіи, ѣздившей въ Хабаровскъ, свалившп вину съ безтолковаго бюрократи ческаго интендантства на Меркуловыхъ, хотя большая доля вины въ этомъ легкомысленномъ походѣ падала на того же Молчанова и Бырдина.

Такъ или не такъ, но съ этого времени Штабъ III-го Корпуса, который стягивается къ тому времени во Владивостокѣ, становится какимъ-то трибуналомъ, куда несутъ хоромъ жалобы на "Меркуловыхъ". Туда же кидаются и представители Народнаго Собранія въ ночь съ 31 мая на 1 іюня, и тамъ же они получаютъ защиту.

Надо отмѣтить, что всѣ эти распри попрежнему возникаютъ на старой, "семеновской" подкладкѣ. Несмотря на то, что въ іюнѣ, іюлѣ 1921 года почти всѣ семеновскіе дѣятели пересидѣли на гауптвахтѣ, атаманъ Семеновъ, уѣзжая изъ Гродекова, далъ своимъ частямъ приказъ—поддерживать Приамурское правительство. Точность исполненія ими этого приказанія порождала извѣстную ревность въ каппелевцахъ, желавшихъ распоряжаться всѣмъ самостоятельно.

Бѣда была въ томъ, что несмотря на видимое объединеніе въ войсковыхъ частяхъ все время продолжала жить рознь, на фонѣ которой и возможны были всевозможныя интриги безработнаго высшаго командованія. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Молодой и дерзкій полковникъ фонъ Вахъ, командиръ одной изъ молчановскихъ частей— Воткинцевъ, человѣкъ, которому на все наплевать, эти интриги раздулъ въ форменную войну Правительству. Въ недоворотѣ 1-11 іюня онъ принимаетъ самое горячее участіе. Онъ произносилъ даже незаконныя рѣчи въ Городской Думѣ, полныя угрозъ, съ требованіемъ признанія новаго "Правительства". Его идеологомъ и вдохновителемъ былъ неумный докторъ Ижевскаго полка Пономаревъ. теперь работающій у красныхъ. Они дошли до того, что совмѣстно съ бывшимъ предсѣдателемъ Народнаго Собранія и Предсѣдателемъ Гор. Думы Андрушкевичемъ, членомъ Нарсоба Донченко и др. лицами, устроили охоту на бр. Меркуловыхъ.

Въ началѣ текущаго октября, къ пишущему эти строки во владивостокской "Вечерней Газетѣ", явился съ письмомъ въ редакцію поручикъ Богословскій. (Нынѣ покойный: казненъ большевиками въ 1924-мъ году.) Въ письмѣ этомъ онъ подробно разсказывалъ, какъ на квартирѣ у полковника фонъ-Ваха, вышеупомянутыми лицами послѣ "недоворота", было предположено убить членовъ Приамурскаго Временнаго Правительства — С. Д. и Н. Д. Меркуловыхъ и рядъ другихъ лицъ. Ему за это дѣло было обѣщано 15.000 зол. рублей и хорошее положеніе. 20 іюля всѣ эти лица, взявъ винтовки и патроны, отравленные ціанистымъ кали, которые изготовлены были Н. А. Андрушкевичемъ, засѣли въ сопкахъ, мимо коего мѣста лежалъ путь бр, Меркуловыхъ къ могилѣ убитаго во время событія 1-11 іюня доблестнаго полковника Глудкина: предполагалось открытіе памятника. Только предупрежденіе спасло Меркуловыхъ отъ гибели. Это письмо теперь находится у кап. Фомина въ Шанхаѣ.

На этомъ же фонѣ вражды къ "семеновцамъ", подогрѣваемое преступной дѣятельностью членовъ б. Народнаго Собранія, выявляются и дѣйствія ген. Смолина въ Никольскѣ. По провокаціонной телеграммѣ отъ 1 іюня изъ Владивостока о состоявшемся низложеніи Вр. Приамурскаго Правительства, онъ приказываетъ арестовать командира Уральской бригады полковника Глудкина, а такъ какъ тотъ, а равнымъ образомъ, командиры его полковъ полковники Гамперъ и Александровъ отказались отъ подчиненія, то двое первыхъ, по приказанію ген. Смолина были убиты, а третій раненъ.

Вотъ что ко времени открытія Земскаго Собора (23 іюля) представляла изъ себя армія. Массы были разложены призрачнымъ соперничествомъ между "каппелевцами", "семеновцами" и "меркуловцами". Генералитетъ либо участвовалъ въ выгодной скачкѣ снабженія, либо яростно ударился въ политику. Правительство этой анархичной, безпринципной, увѣренной въ себѣ, невыносимымъ апломбомъ заряженной толпѣ генераловъ казалось чѣмъ-то неважнымъ... «Я вамъ, батюшка, на Свѣтланкѣ въ три счета такое правительство наберу, что разлюли малина»—говорилъ мнѣ генералъ Нечаевъ. Никто ничего не предусматривалъ, ни о чемъ не заботился, относясь къ фактической основѣ политики со смѣшаннымъ чувствомъ подобострастія и злобы.

Эта разнузданность, незнающая себѣ предѣловъ, нашла полное выраженіе въ **подпольной** газеткѣ "Нашъ Голосъ," издаваемой въ Штабѣ III-го корпуса. Брань, клевета, злословіе рѣкой лилось со стороны этого органа,

руководимаго Пред. Гор. Думы Андрушкевичемъ, врачемъ Пономаревымъ и спекулянтомъ на политикѣ и монпансье казакомъ Донченкой.

Можно ли было въ такой обстановкѣ вести международную политику?

Общественныя національныя организаціи.

На кого же должно было опереться правительство въ эти тяжелыя для него минуты?

Отвѣтъ ясенъ, казалось бы. На общественныя организаціи.

Но мы должны сказать, что въ 1922 году дальневосточныя общественныя организація перестали быть уже тѣми, какими они были въ 1921 году, когда на Съѣздѣ Несоціалистическаго населенія въ мартѣ 1921 года выбрали свой Совѣтъ. Тамъ былъ большевитскій совершенно конкретный гнетъ, откуда и получилось ихъ плотное объединеніе. Получилась плотная монолитная - масса, на которую могли опираться опредѣленные твердые руководители.

Масса давала санкцію—вотъ что было необходимо; санкцію она могла давать либо изъ молчаливой дисциплины, либо изъ пониманія момента.

Мы рѣшаемся утверждать, что широкаго пониманія масса не имѣла. Зато она сначала имѣла дисциплину.

Съ улучшеніемъ положенія, когда исчезъ большевитскій гнетъ, ослабла и дисциплина. Общественныя организаціи перестали быть объединены лишь однимъ — единодушнымъ желаніемъ переворота и новые появившіеся вожди, руководимые личными честолюбіями, повели массу по разнымъ путямъ..

Послѣ переворота 26 мая сразу же выдѣлилась группа дѣятелей, близко стоявшихъ къ возглавлявшимъ переворотъ, которая стала на поддержку власти. Многіе изъ этихъ лицъ, напр. С. М. Широкогоровъ, были персонально приглашены во Владивостокъ новымъ правительствомъ, на его средства.

Группа эта состояла изъ В. Ф. Иванова, присяжнаго — златоуста, С. М. Широкогорова, незамѣтнаго академическаго дѣятеля, Н. А. Андрушкевича, полковника, прошлое котораго по свѣдѣніямъ полученнымъ изъ Шанхая, болѣе чѣмъ темно. (Нынѣ въ Сербіи, хотя въ 1924 году хлопоталъ о совѣтскомъ паспортѣ); Н. В. Оленина, талантливаго энтузіаста науки, страстнаго монархиста, въ каковые перекочевалъ онъ изъ столь же страстнаго эсерства, почему и былъ въ ссылкѣ. (Нынѣ въ Москвѣ, въ комиссіи по сдачѣ концессій). В. И. Донченко, казака—простака, себѣ на умѣ, который, однако, отлично, умѣлъ устраивать свои матеріальныя дѣла, буквально горько плача передъ нѣ-

которыми членами Вр. Правительства о рваныхъ сапогахъ, К. Т. Лихойдова, житейская мудрость котораго конкурировала съ его житейской опытностью.

Близко стоящіе къ новой власти, люди эти захватили въ свои руки большинство народнаго Собранія, его президіумъ, Совѣтъ II Съѣзда, Городскую Думу. Благодаря этимъ реальнымъ силамъ, она, подобно ген. Вержбицкому, стала систематически ставить ультиматумы Правительству. Ихъ дѣятельность свелась къ вышибанію власти изъ рукъ реальныхъ живыхъ работниковъ, выдвинутыхъ непосредственнымъ чутьемъ массъ, къ постепенному захватыванію власти въ свои руки.

Но они были скоро расшифрованы. Власти они захватить не смогли, но за то общественная масса потеряла вмѣстѣ съ ними своихъ лидеровъ.

И когда въ мартѣ 1922 года въ противовѣсъ скомпроментировавшему себя Совѣту II-го Съѣзда Несоціалистическаго населенія Д. В. сталъ организовываться Комитетъ Несоціалистическихъ организацій г. Владивостока, то холодъ пробѣгалъ по спинѣ отъ зрѣлища дутости всѣхъ организацій, руководимыхъ Н. Г. Рачковымъ, А. А. Рутковскимъ и др.

Ихъ основой было перекрещивающееся дѣленіе. Одни и тѣ же люди образовывали и Союзъ домовладѣльцевъ и Союзъ засельщиковъ, и Комитетъ Западной окраины г. Владивостока, и Офицерскій Союзъ. Кого представляли депутаты эти? Вѣдь, отъ заявленія ихъ, что же на 2-ой Рѣчкѣ 5.000 населенія до пользованія реальными силами этого населенія - дистанція огромнаго размѣра. Называли тысячи, а не могли собрать и десятка!

Дутыя организаціи эти, лишенныя лидеровъ, метались по воздуху, уже насыщенному близкой грозой, какъ растерянныя птицы. Событія 1-11 іюня поставили передъ ними опредѣленный вопросъ:

—Правильно ли, что кучка бунтовщиковъ, вашихъ бывшихъ лидеровъ свергаетъ вашу же власть, выбранную вами? Если не правильно, то что вы предпринимаете?

Онѣ, увы, ничего немогли предпринять! Владивостокъ въ эту пору представлялъ любопытное зрѣлище. Вездѣ засѣдали организаціи, и каждый день выносили разныя резолюціи. Привычка къ необязательности своихъ же собственныхъ резолюцій сказалась въ полной мѣрѣ. Необязательнымъ было и признаніе самими же избраннаго правительства. За годъ его работы общественные мужи совѣта и разума не успѣли расчухать хорошо оно, или плохо!!

И вотъ какія "резолюціи", которыя тогда выносились:

—Бунтъ недопустимъ, но Меркуловы должны уйти! (Резолюція С.Н. Руднева).

—Почему должны?

—Неизвѣстно!

Или:

—Обратиться въ консульскій корпусъ за содѣйствіемъ. Точно въ такомъ же положеніи находилась и Городская Дума. Въ ней предсѣдательствовалъ вольный стрѣлокъ Андрушкевичъ, угрожалъ лихой наѣздникъ, полковникъ фонъ Вахъ, лѣзъ въ городскіе головы А. И. Лякеръ.

И резолюція Гор. Думы-полная иллюстрація ея ничтожества!

Положеніе уже было катастрофичнымъ. Но особенно катастрофично оно стало тогда, когда Вр. Правительство, угрожаемое смертью, на Земскій Соборъ возложило судьбу края, фактически уйдя въ сторону. Оголтѣлые лидеры зубры, сдѣлавъ свое дѣло, скрылись кто въ Харбинъ, кто въ Шанхай и въ двери Общедоступнаго Театра, гдѣ засѣдалъ Земскій Соборъ, ввалилась безголовая толпа, на которую рокомъ была возложена задача:

—Избрать себѣ правительство!

Результатомъ этого и были выборы генерала Дитерихса.

Торгово-промышленная палата.

Нашъ обзоръ внутреннихъ силъ Владивостока былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись Торгово-Промышленной Палаты.

Сіе порожденіе Керенскаго, какъ извѣстно, имѣло назначеніемъ споспѣшествовать отечественной торговлѣ и промышленности. Если вы спросите владивостокца, какъ дѣла въ торговлѣ - онъ махнетъ рукой. Ежели спросите о промышленности-плюнетъ.

Итакъ, дѣятельность Владивостокской Торгово - Промышленной Палаты не богата живыми плодами. Но за то Палата эта представляла изъ себя чисто-политическое учрежденіе.

Собраніе нетронутыхъ совѣтской manu militari буржуевъ она являла видъ наивно - оптимистическій. Она не могла не быть довольной освобожденіемъ отъ коммунистическаго ига 26 мая 1926 года. Но она видѣла неустойчивость власти, и боялась обнаружиться, хотя и вносила на оный переворотъ деньги. Съ избраніемъ на постъ ея предсѣдателя А. В. Овсянкина, она приняла густо либеральную окраску, съ читинскимъ соціалистическимъ душкомъ. Посему она собралась уже было привѣтствовать переворотъ 1-11 іюня, но, къ счастью запоздала. Ея представители - Б. Ю. Бриннеръ и М. Р. Шапошниковъ, были и въ Земскомъ Соборѣ. Б. Ю. Бриннеръ даже привѣтствовалъ рѣчью вновь избраннаго Правителя, при чемъ

туманно намекнула, что де "торгово-промышленный классъ постарается". За то, та же Палата категорически отказалась платить персонально разверстанный налогъ въ фондъ Правителя, что вызвало извѣстный приказъ Дитерихса, деморализующе отозвавшійся на фронтѣ, смыслъ котораго былъ:—не платите, ну и Богъ съ вами. И не надо!

За то расклеенные 18 октября на заборахъ Владивостока №№ подпольнаго "Краснаго Знамени" высочайше одобрили скользкое поведеніе торгово-промышленниковъ. Поощреніе рождаетъ усердіе, и вотъ 20 октября наши буржуазные торгово-промышленники всѣ поголовно забастовали, требуя......народно-революціонной соціалистической власти.

Такова была организація, объединяющая торгово-промышленный классъ Владивостока. Это ея качество, мы твердо надѣемся, получитъ надлежащее удовлетвореніе со стороны коммунистовъ - вѣдь опытъ-учитель глупцовъ.

Но какъ вести буржуазную политику въ городѣ съ **т а к и м ъ** буржуазнымъ представительнымъ органомъ?

Земскій соборъ.

Указомъ Вр. Приамурскаго Правительства № 149 отъ 6 іюня 1922 г. объявлялось о созывѣ Земскаго Собора, который имѣлъ цѣлью "заслушать докладъ Правительства о его дѣятельности и выбрать правительство". Такъ долженъ былъ быть ликвидированъ бунтъ I-II іюня.

23 іюля открылся этотъ Соборъ, въ старомъ циркѣ, Общедоступномъ театрѣ. Сцена была декорирована архангелами и Кремлемъ, надъ правой трибуной висѣла икона съ лампадой.

Но эта импозантная декорація не смогла скрыть сущности Собора. На соборъ явились не мужи совѣта и разума, горящіе душой исключительно о дѣлѣ; съ одной стороны влетѣла та обезглавленная толпа, о которой мы говорили въ своемъ мѣстѣ; съ другой явились харбинцы съ упорнымъ Ландышевымъ и Доброхотовымъ во главѣ; Никольцы—изъ Никольскъ-Уссурійска, водительствуемые безтолковымъ Толокомъ, принесли не болѣе ни менѣе, какъ требованіе монархіи; наконецъ, въ Соборъ вошли безмолвные „представители арміи," съ тонкими усмѣшками на губахъ и съ сознаніемъ своей избранности и силы.

Хотя потомъ всѣмъ участникамъ Собора, и не только имъ, а даже машинисткамъ, курьерамъ и шофферамъ были розданы медали на черно - желто - бѣлой романовской лентѣ, за понесенные труды на пользу русскому дѣлу, но засѣданія Собора прошли на рѣдкость сумбурно.

Начать съ того, что хотя докладъ о полуторагодичной работѣ Вр. Приамурскаго Правительства и былъ сдѣланъ всѣми членами правительства; но преній по нему такъ и не открылось. Мимо него прошли, какъ мимо обстоятельства совершенно маловажнаго, а сразу бросились къ выборамъ новаго правительства.

При этомъ нужно замѣтить, что никто даже не заикнулся ни разу, что, м. б., можно обойтись и безъ выборовъ. Вр. Приамурское Правительство, съ его связями, авторитетомъ, закулисной игрой молчаливо было признано ничтожнымъ, ничтожнымъ послѣ полутора лѣтъ успѣшной работы.

Это одно даетъ уже ясную оцѣнку государственнаго смысла собранія этихъ 250 добрыхъ русскихъ людей! Его не было, этого смысла.

Далѣе. Такъ какъ Владивостокцы, ближе стоявшіе къ Вр. Приамурскому Правительству, явились на Соборъ безъ лидеровъ, то, во-первыхъ, надъ ними верхъ взяли иныя организованныя группы -- Харбинская и Никольская, а во вторыхъ, ихъ возглавили новые мѣстные лидеры --П.П. Васильевъ, Л. Д. Тяжеловъ и отецъ протоіерей Антоніевъ.

Поведеніе владивостокцевъ въ Земскомъ Соборѣ въ высшей степени знаменательно. Задолго до собора начали засѣдать владивостокскія организаціи, вырабатывая тезисы политическаго доклада. Тезисы эти поручено было фиксировать П.П. Васильеву.

Въ долгихъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ между прочимъ, участвовало Правительство и члены Совѣта Управляющихъ, было установлено, что необходимо проводить власть "коллегіальную", при чемъ она должна была быть "преемственной". Подъ неуклюжимъ этимъ терминомъ понималось, что въ нее долженъ входить кто-нибудь изъ Меркуловыхъ; для того, чтобы авторитетъ ихъ имени пригодился въ государственныхъ дѣлахъ и впредь.

Сторонниками единоличной власти являлись тамъ лишь приватъ--доцентъ Владивостокскаго университета Л. Д. Тяжеловъ и свящ. Антоніевъ.

Первый, рафинированный, болѣзненный человѣкъ, типичный наркоманъ и рамоли, заявлялъ, что онъ защищаетъ вопросъ этотъ "идеологически", что практическая сторона его нисколько не интересуетъ.

Второй, черный, какъ жукъ, ловкій пройдоха ненавидящій Меркуловыхъ хотя въ прошломъ году трогательно посвящалъ Н. Д. Меркулову книжку "Можетъ ли быть христіанинъ соціалистомъ?", свидѣтельствовалъ, что на какомъ-то собраніи въ Спасскѣ крестьяне ему заявили, что—"за царя они пойдутъ съ удовольствіемъ".

Парфенъ Васильевъ, типичный политиканъ, выгоняющій отъ политики профитъ, редакторъ оффиціоза "Русскаго Края", тогда выжидалъ, хотя и произносилъ тирады, что онъ "покажетъ Меркуловымъ".

Но съ пріѣздомъ Харбинцевъ и Никольцевъ положеніе сразу измѣнилось. Никольцы, какъ я говорилъ выше, непремѣнно требовали монархіи, а для Приморья единоличной власти. Харбинцы же, возглавляемые Доброхотовымъ и Ландышевымъ, клевретами Н.Л. Гондатти, привезли кандидатуру именно Гондатти.

Для людей, знающихъ Гондатти, его хитрый, лукавый нравъ, никакого сомнѣнія не было, что онъ не поѣдетъ во Владивостокъ въ правители, хотя бы его и выбрали. Ясно было, что все это дѣлается для того, чтобы заставить себя просить, чтобы возвысить свой ореолъ для будущаго.

Эта ничтожная игра, однако, не была разгадана большинствомъ. Когда наконецъ, прижатый прямо къ стѣнкѣ, Н. Л. Гондатти сталъ отказываться, то этотъ же священникъ Антоніевъ предложилъ отправить въ Харбинъ депутацію, "подобно тому, какъ ѣздила делегація въ Ипатьевскій монастырь въ 1613 году"....

Выходило, что Гондатти выбираютъ словно въ цари! Вр. Правительство получило какъ разъ около этого времени предупрежденіе о нападеніи на него (20 іюля) и, естественно, не могло развить дѣятельности. Къ тому же и внутри его начались серьезные раздоры. Членъ Правительства Е. М. Адерсонъ, этотъ самолюбивый балластъ всякихъ начинаній, перешелъ къ заговорщикамъ, мечталъ, по устраненіи конкурентовъ, править единолично. На сторону монархистовъ, прельщаясь дешевыми лаврами, перешелъ и П. П. Васильевъ, ловко передѣлавшій въ нужномъ стилѣ и свои тезисы.

Соборъ ринулся неистово, очертя голову, къ единоличной власти. Никого не желали слушать. Когда отказался Гондатти - наконецъ, послѣ переписки съ С. Д. Меркуловымъ-то этому даже не повѣрили. Послали депутацію въ Харбинъ.

Но положеніе объ единоличной власти было утверждено Соборомъ. Вр. Правительство торопилось со сдачей власти. Кандидатовъ не было, кромѣ одного.

И этотъ случайный одинъ - былъ Генералъ Дитерихсъ.

Онъ былъ избранъ, 8 августа огласилъ свой указъ № 1, а 10 закрылся Земскій Соборъ.

Власть изъ твердыхъ рукъ Вр. Приамурскаго Правительства перешла случайно подвернувшемуся безталанному, ничтожному ген. Дитерихсу.

Правитель Михаилъ Дитерихсъ.

Маленькая, высохшая фигурка, неправильныя черты, бѣгающій, нервный взглядъ фанатика, — вотъ наружность Михаила Дитерихса, каковому "Михаилу", какъ онъ вѣрилъ, суждено спасти Россію.

Роковой человѣкъ! Когда въ 1920 году, послѣ удачнаго выѣзда изъ Сибири въ поѣздѣ ген. Жанена цѣной заявленій его, что "каппелевцы" хотятъ его убить — ген. Дитерихсъ сталъ добиваться у ат. Семенова назначенія на должность Начальника Штаба — его не пустили туда, потому что его боялись:

—ген. Дитерихсъ всегда вступалъ въ дѣло передъ его крахомъ!

Атаманъ Семеновъ снабдилъ его деньгами отъ своихъ щедротъ, и вотъ онъ сталъ метаться по Д. Востоку, То передъ нимъ планъ вывезти каппелевскихъ воиновъ... въ Бразилію. То.... въ Аляску.. то во Владивостокѣ онъ покупаетъ моторную шхуну, дабы тѣ занялись рыболовствомъ, причемъ у шхуны этой немедленно проваливается дно.

Михаилъ Дитерихсъ успокаивается, наконецъ, въ Харбинѣ, гдѣ онъ мирно пишетъ двухтомную книгу объ убійствѣ Императора Николая II и его семьи, трудъ пропитанный юдофобствующимъ мистицизмомъ.

Кто извлекъ его изъ уединенія Харбина? Этотъ вопросъ долженъ быть освѣщенъ рано или поздно. Пока можно только сказать, что переворотчики I-11-іюня, прочившіе его въ правители, вотъ кто были тѣ, кто его вызвалъ.

Пріѣзду его во Владивостокъ предшествовала лихорадочная агитація и реклама его имени изъ круговъ Народнаго Собранія. Патентованные парламентаріи везли на себѣ въ тріумфальной колесницѣ Михаила Дитерихса, какъ залогъ процвѣтанія парламентаризма, какъ того барина, "который разсудить".

Имѣются свѣдѣнія, что этотъ баринъ отъ кого-то на предметъ передвиженія во Владивостокъ получилъ пять тысячъ іенъ, равнымъ образомъ, какъ полковникъ Озолинъ съ женой, его генералъ-квартирмейстеръ былъ почтенъ отъ кого-то безплатными билетами до Марселя, въ день, когда былъ сданъ Никольскъ.

Говорятъ, что это были японцы; во всякомъ случаѣ большевикъ Янсонъ привѣтствовалъ его избраніе извѣстнымъ письмомъ.

Пріѣхавши 8 іюня Михаилъ Дитерихсъ ознакомился съ положеніемъ и 10 іюня, съ балкона дома Старцевыхъ высказалъ положеніе, аналогичное знаменитому— довольно партизанить!—

—Довольно революцій! Бѣжать больше некуда!-и приказавъ Народному Собранію распуститься, подчинилъ себѣ армію, а самъ

подчинился Вр. Правительству до Земскаго Собора.

До Земскаго Собора его не было слышно. Какъ военный специалистъ онъ приводилъ политиканствующую армію въ порядокъ. Но гораздо болѣе честолюбивыя мысли, очевидно, все время жили въ его мозгу, ибо 8 августа, какъ только состоялся печальный обрядъ передачи власти, онъ сразу же взошелъ на кафедру, и съ нервической краской на щекахъ, огласилъ свой "указъ № 1," предупредивъ, что онъ надѣется, что указъ этотъ будетъ принятъ безъ всякаго обсужденія.

Почтенное Собраніе встало и услыхало указъ, гдѣ такъ и мелькало слово:

— Повелѣваю!

Изъ этихъ повелѣній присутствующіе узнали, что отнынѣ Приморье должно называться Приамурскимъ Земскимъ Краемъ, каппелевцы и семеновцы Земской ратью, а самъ ген. Дитерихсъ Воеводой Земской Рати. Переодѣваніе это въ пестрые національные кустарные цвѣта было сдѣлано для того, чтобы "воскресить традиціи". Вся эта машкерада имѣла цѣлью возродить "законную монархію". Народъ долженъ былъ всколыхнуться, какъ въ 1610-13 годъ.

Когда Михаилъ Дитерихсъ послѣ своей многообразной жизни выпуститъ записки, тамъ любопытно будетъ прочитать, какъ представлялъ онъ себѣ Земскій Соборъ. Неужели онъ всерьезъ вѣрилъ, что у этихъ печальныхъ, какъ сухіе листья, бѣженцевъ "лишенныхъ экилибра и съ жиру бѣсящихся дамъ" дѣйствительно, было сознаніе того, что они творятъ? Правда, они страстно желали возстановленія монархіи т. е. вѣрнѣе старыхъ удобствъ и избавленія отъ современныхъ безпокойствъ-это одно. Но можно ли было ихъ сумбурные, неистовые голоса принимать за подлинный гласъ народа?

Михаилъ Дитерихсъ принялъ ихъ заявленія всерьезъ или сдѣлалъ видъ, что принялъ. Это было видно по его возбужденному, красными пятнами покрытому лицу, когда онъ вдвоемъ съ адьютантомъ покидалъ залъ засѣданій. Дѣйствительно ли онъ вѣрилъ, что въ Приморье можно пригласить кого-нибудь изъ разбѣжавшихся князей дома Романовыхъ?

Отъ Михаила Дитерихсъ мы услыхали еще болѣе любопытныя вещи.

Въ тиши и одиночествѣ ночей онъ придумалъ планъ, по которому должно было быть организовано управленіе новорожденнымъ Земскимъ Краемъ. Ожидалось, вѣдь, что съ возглашеніемъ лозунга "За Вѣру, Царя и Отечество" города Сибири будутъ падать по телеграфу; поэтому собираніемъ ихъ долженъ былъ заняться Совѣтъ Внѣшнихъ Дѣлъ, Министерство Финансовъ, Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи.

Помѣстный Совѣтъ; - Управленіе Областное, Управленіе Внутреннихъ Дѣлъ, долженъ былъ завѣдывать дѣлами Приморской области. Это такъ сказать, птица была невысокаго полета.

Самъ Воевода командовалъ Земской Ратью. При немъ находилась Земская Дума, его концелярія и государственный контроль.

На этомъ же засѣданіи было объявлено Правителемъ Михаиломъ Дитерихсомъ о составѣ Земской Думы. Хотя ее долженъ былъ избрать Земскій Соборъ, но нѣсколько человѣкъ. были назначены Дитерихсомъ, въ качествѣ основоположныхъ фигуръ. Среди таковыхъ послѣднихъ были П.П. Васильевъ, Л. Д. Тяжеловъ, и др., наиболѣе старавшіеся по монархической программѣ.

Въ обоснованіе предстоящей дѣятельности новаго правительства было положено православно-народное міросозерцаніе. Въ указѣ № 1 Правитель Михаилъ Дитерихсъ указывалъ, что "смыслъ государственнаго единенія русскихъ состоитъ въ слѣдованіи святымъ символамъ религіозно-нравственной идеологіи народа: Вѣра, Государство и Народъ. Покаяніе должно обратить Русь на путь историческихъ святыхъ началъ". . Вотъ тогда то и возродятся благоденстіе и миръ народа подъ скипетромъ наслѣдственнаго Вождя и Помазанника Божьяго.

Надо вспомнить, что тотъ же Дитерихсъ въ 1919 году на Омскомъ фронтѣ звалъ армію къ вѣрѣ въ „Бога Отца, Сына Іисуса Христа и пророка Магомета"

Михаилъ Дитерихсъ вознамѣрился проводить эти положенія въ жизнь самымъ серьезнымъ образомъ. 1-го Октбря на Станичномъ Съѣздѣ представителей Уссурійскаго казачьяго войска въ ст. Гродековѣ онъ, не стѣсняясь обстановкой, развилъ еще болѣе сильную картину.

—Какъ въ вѣрѣ нашей мы исповѣдуемъ Единаго Бога въ Трехъ Лицахъ: Бога Отца, Его Сына и Св. Духа такъ и въ земной передачѣ Бога, мы, на Руси, всю нашу жизнь исповѣдуемъ власть изъ трехъ лицъ, изъ трехъ началъ: Вѣры, помазанника и Народа. . . . .Мы эту земную власть, данную отъ Бога, разрушили. Мы отказались отъ понятія того, что власть у насъ можетъ быть только помазанной отъ Бога и соединять въ себѣ вѣру Христову и народъ во всей его массѣ. . Въ 17-мъ году мы выкинули своего Помазанника. Но такъ какъ сильна зависть людская, то человѣкъ захотѣлъ стать вмѣсто помазанника. . Всѣ эти Керенскіе, Ленины и Троцкіе, и даже покойный адмиралъ Колчакъ и Деникинъ должны были погибнуть, ибо у нихъ власть была человѣческая—. . .

(См. Рѣчь Правителя Приамур-

скаго Края, и т. д., Изд. Прнам. Освѣдомит. Бюро, стр. 4.)

Какова же власть была у самого Михаила Дитерихса. Онъ придавалъ ей значеніе, которое не вязалось никакъ съ той картиной, которую мы представили въ изображеніи Земскаго Собора—Божественное.

—Вотъ та мысль (о власти) говорить Дитерихсъ дальше, была Богомъ внушена Земскому Собору... Онъ возложилъ на меня задачу-оградить два оставшіяся начала: Вѣру и Народъ. Вотъ за эту вѣру за эти права народа я и буду вести борьбу, буду до конца, ограждать вѣру Христову и за эту вѣру я умру..

И далѣе:

—Станичники, сказавъ ЧТО я такое, ЧТО я собой представляю и т. д.

Довольно! Читатель долженъ видѣть, каковы были высокія задачи, поставленныя себѣ Воеводой Земской Рати.

Какъ же были исполняемы эти задачи?—спросимъ мы.

Всѣ привычныя сбитыя воинскія части были немедленно сплошь переформированы и перепутаны, потому что введены были вмѣсто полковъ ''дружины''. Къ, снабженію были приглашены другія лица, но порядокъ остался прежній. Фантастическіе "Крестьянскіе союзы" И. Славянского - Цыпленкова возстанавливали и ж. дороги на территоріяхъ противника, и получали на это деньги. Они же вели и поставки. Сообразно же новаго порядка гражданскаго управленія, оглашеннаго въ Указѣ № I, въ Указѣ № 2 изложены основы таковаго.

А именно.

Отчетливо раздѣлены были двѣ задачи. Первая задача ОРГАНИЗАЦІЯ ВЛАСТИ ПО МѢРѢ НЕМЕДЛЕННАГО ПРОДВИЖЕНІЯ НА ЗАПАДЪ. Вторая- устроеніе тыла, какъ БАЗЫ для таковогo продвиженія.

Приамурье было такой **Базой**: Имъ управлялъ "Приморскій Помѣстный Совѣтъ" изъ четырехъ лицъ. Внѣшними же дѣлами завѣдывалъ "Совѣтъ Внѣшнихъ Дѣлъ," подъ предсѣдательствомъ В.П. Разумовъ. Земская Дума сначала должна была играть роль органа законосовѣщательнаго. При дальнѣйшей организаціи приамурской общественности въ основу общественной жизни имѣлъ быть положенъ церковный приходъ.

Сообразно этому нездорово-религіозному своему настроенію, Правитель отмѣнилъ всякіе налоги на игорные дома, доходы съ котораго по восточному характеру Владивостокскаго быта, были чрезвычайно значительны, ихъ „повелѣлъ" закрыть, и прекратилъ продажу спиртныхъ напитковъ. Въ результатѣ всѣ эти организаціи, въ связи съ извѣстными качествами милиціи,

ушли въ подполье, процвѣтали не хуже, только доходу казнѣ уже не было.

Что касается новыхъ государственныхъ учрежденій, то конституціи таковыхъ такъ и не удосужились написать. Каковы были права и прерогативы всѣхъ этихъ Совѣтовъ, такъ и остались юридически невыясненными до недолгаго конца этихъ грандіозныхъ начинаній.

Зато вокругъ Воеводы образовалось любопытное окруженіе. Конечно, привычка къ единовластію сильна въ русскомъ обиходѣ. Вокругъ Михаила Дитерихса образовался свой дворъ. Главный былъ тамъ кн. А. А. Крапоткинъ со своей супругой, которую злые языки изъ Земскаго Собора звали "предсѣдательницей всѣхъ 7-ми вселенскихъ соборовъ".

Если присоединить къ этому столоверченіе, да верченіе головы воеводы полковникомъ В. С. Боткинымъ, которымъ занимался генералъ Дитерихсъ, то вотъ та атмосфера, въ которой совершались государственныя дѣла и рождались государственные акты.

Для того, чтобы быть ближе къ арміи, которая. готовилась къ походу на Западъ, Правитель и его окруженіе переѣхало въ Никольскъ Уссурійскъ. И интересно было наблюдать, какъ вожди этой арміи, столь безумно сопротивлявшіеся умѣренной и разумной политикѣ Приамурскаго правительства, по слову "Воеводы" шли робко и почтительно навстрѣчу краху и глупостямъ.

Не маловажную роль игралъ и студентъ Домрачеевъ, изображавшій что-то вродѣ министра двора. Своей собственной замкнутой Никольской жизнью и жилъ этотъ мірокъ, въ то время какъ во Владивостокѣ все было оставлено на волю судьбы.

Воровство развилось, какъ никогда. Тѣ операціи, которыя въ это время производились разными "обществами" и "товариществами" могутъ быть предметомъ особой брошюры. Въ нѣкоторыхъ министерствахъ была учреждена такса за проведеніе дѣлъ. Въ порядкѣ указовъ Михаила Дитерихса стали проходить измѣненія законовъ, благодаря которымъ можно было удачно и доходно комбинировать.

Такъ прошелъ августъ мѣсяцъ. Японцы очистили Спасскъ и оказалось, что никакого движенія впередъ, къ Москвѣ не выходитъ. Потомъ разруха во Владивостокѣ, въ этой "экономической базѣ", становится черезчуръ сильна, и соотвѣтственнымъ указомъ сразу ломается вся конституція власти, просуществовавъ едва ли мѣсяцъ.

Упраздняются совѣты Внѣшнихъ и Помѣстныхъ дѣлъ, и вся "полнота" власти переходитъ къ такъ называемому "Совѣту Земской

Думы". Это "совѣтская" власть и должна была спасти Приморье. Состояла же она изъ Предсѣдателя, бывшаго наборщика и частнаго повѣреннаго, И. К. Артемьева, изъ бывшаго казначея Владивостокскаго казначейства А. А. Сызранскаго, замѣчательнаго двумя вещами. За долголѣтнюю службу, изъ 50-ти рублеваго жалованія, послѣдній сумѣлъ настроить себѣ домовъ. Во-вторыхъ, при помощи ловкой публикаціи о своей смерти, имъ были во время удержаны нѣкоторыя судебныя къ сему финансисту претензіи. Далѣе это были С. Ф. Кичинъ и академическій проф. Г. В. Подставинъ.

Однажды, жители Владивостока, проснувшись поутру, были изумлены указомъ Михаила Дитерихса о томъ, что отнынѣ упраздняются всяческія продленія довѣренностей по управленію имуществомъ. Общее недоумѣніе разъяснилось къ полудню. Иванъ Кондратычъ Артемьевъ закрылъ Сибирскій Торговый Банкъ, на томъ основаніи, что онъ является безхозяйнымъ имуществомъ: срокъ довѣренности дирекціи истекъ!

Запротестовала дирекція, запротестовалъ англійскій консулъ: англійское правительство являлось крупнѣйшимъ вкладчикомъ. Иванъ Кондратычъ не удовольствовался телеграммой объ этомъ Лорда Керзона, министра иностранныхъ дѣлъ Великобританіи. Онъ потребовалъ квитанцію о взносѣ суммъ!

Банкъ спасло только то обстоятельство, что у дирекціи были полномочія и на текущій годъ. Но самое пикантное было то, что Иванъ Кондратычъ, первый сапо-

вникъ, былъ повѣреннымъ "Амурскаго Товарищества", ведущаго дѣло противъ Сибирскаго Банка!

Подобное "правительство", конечно, не могло ничего измѣнить въ вакханаліи, которая царила во Владивостокѣ. Михаилъ Дитерихсъ ничего этого не видѣлъ и не слышалъ. Онъ былъ занятъ популяризаціей своего имени и рѣчами. Прокричалъ полуторанедѣльное "ура" Національный Съѣздъ въ Никольскѣ. Правитель ѣздилъ по селамъ и ходилъ крестными ходами по монастырямъ. Пріѣхавъ въ Спасскъ, онъ выразилъ, подобно Карамзину въ Швейцаріи, восхищеніе, что онъ на русской землѣ „свободной отъ японцевъ", и простилъ загодя того "заблудшаго красноармейца", ежели бы пуля того сразила его.

Это бравированіе своими отношеніями къ японцамъ составляетъ самое непонятное мѣсто въ печальной дѣятельности нашего Правителя. На съѣздѣ въ Никольскѣ онъ перепугалъ до смерти всѣхъ правыхъ заявленіями, что „мы прижаты къ стѣнкѣ", "у насъ нѣтъ оружія", "у насъ нѣтъ патроновъ",

Однако это не мѣшаетъ ему задираться съ японцами. Когда въ октябрѣ газеты заговорили о близкой передачѣ оружія, онъ въ указѣ своемъ потребовалъ отъ японо-командованія, чтобы передача эта произошла не позже 15 сего октября, въ противномъ случаѣ угрожая "принять мѣры".

А на фронтѣ все шло своимъ чередомъ. Сдали Спасскъ, потомъ и Никольскъ—Смолинъ откатился за однѣ сутки на 72 версты назадъ и выскочилъ на Пограничную. Глѣбовъ вышелъ во Владивостокъ, гдѣ наскоро грузилъ на свои корабли, что лежало на берегу.

Что же въ эти тяжелыя дни дѣлалъ Михаилъ Дитерихсъ? Предпринялъ ли онъ что-нибудь? Наладилъ ли эвакуацію? Обезопасилъ ли тылъ? А вѣдь тылъ можно было обезопасить. Вѣдь, Владивостокъ представлялъ изъ себя базу Національной арміи. Тамъ были средства, тамъ были и пути морского сообщенія. Положимъ, полуостровъ Муравьев-Амурскій шириной около 12 верстъ, дешевымъ трудомъ китайцевъ перегораживается укрѣпленной полосой. Какъ предполагалъ Н. Д. Меркуловъ, 10.000 армія плюсъ еще резервъ изъ городского населенія вполнѣ достаточны, чтобы удержать эту полосу. ТѢМЪ БОЛѢЕ, ЧТО 25 ОКТЯБРЯ ПРОИСХОДИТЪ ПЕРЕДАЧА ОГНЕПРИПАСОВЪ и всего огромнаго количества вооруженія японокомандованіемъ.

Флотилія и ледоколы всегда могли сдѣлать Владивостокъ недоступнымъ съ моря для раздѣтой, босой, голодной, боящейся холода, красной арміи. Вопросъ былъ въ выигрышѣ времени, если наконецъ, все равно, пришлось бы Владивостокъ оставить, то развѣ тѣ цѣнности Государственнаго Банка и таможни которыя нынѣ цѣликомъ Дитерихсомъ оставлены краснымъ, не могли бы составить извѣстнаго фонда все на тѣ же противобольшевисткія цѣли?

Только полной нераспорядительностью и полной неспособностью къ широкимъ планамъ можно объяснить неиспользованіе этихъ возможностей.

Что же вмѣсто всего этого сдѣлалъ Михаилъ Дитерихсъ? Онъ разразился указомъ, который не былъ, однако опубликованъ.

Этотъ приказъ, если не ошибаюсь, № 46, былъ разосланъ по всѣмъ редакціямъ Владивостока ночью, а утромъ бѣгали по городу офицеры и его отбирали. Содержаніе его заключалось въ анализѣ печальнаго настоящаго. Буржуазія не хочетъ платить денегъ. Мобилизація вылилась въ потокъ дезертировъ.

Поэтому воинамъ рекомендовалось "ВОТКНУТЬ ШТЫКИ ВЪ ЗЕМЛЮ" (букв.) и расходиться куда угодно. Тѣмъ же, которые

высказали желаніе итти за нимъ, за Михаиломъ Дитерихсомъ, онъ обѣщалъ жизнь, полную лишеній въ Китаѣ. Но ни въ коемъ случаѣ онъ, Воевода, не соглашался на возвращеніе во Владивостокъ, туда, гдѣ на русской землѣ стоитъ нога японскаго солдата....

Приказъ произвелъ впечатлѣніе разлагающее.. А самъ Дитерихсъ?

Не прошло и сутокъ, какъ ген. Дитерихсъ былъ во Владивостокѣ, у японскаго полковника Гоми!

***

Какой кошмарный сумбуръ порождаетъ вокругъ себя этотъ человѣкъ! Вообомнившій себя чуть не монархомъ, требующій власти на основаніи "воли народной", выраженной въ смѣху достойномъ Земскомъ Соборѣ, публично заявляющій, что "мобилизаціи онъ производить не будетъ", а потомъ требующій 4.000 человѣкъ отъ Владивостока и 700 отъ Никольска, и всѣхъ офицеровъ, требующій отъ 160 торговопромышленниковъ 1.500-000 рублей, а потомъ заявляющій, что если не даютъ, то Богъ имъ судья,—а равнымъ образомъ Богъ судья и дезертирамъ — кто онъ этотъ маленькій, нервный человѣкъ?

Во всякомъ случаѣ, не тотъ кто понимаетъ, что дѣлаетъ. Иначе бы онъ не прилетѣлъ во Владивостокъ и не сталъ мѣшать адмиралу Старку вывезти бѣженцевъ-солдатъ, офицеровъ и ихъ семьи, предварительно выпустивъ изъ владивостокскаго порта гиганты пароходы Добровольнаго флота.

И развѣ это въ первый разъ, сей военный Талейранъ умѣетъ уходить отъ грядущей опасности, предавая другихъ и губя дѣло?, О, нѣтъ! Тѣни генерала Крымова, сумѣвшаго убить себя при неудачѣ, Духонина, адмирала Колчака, профессора Болдырева витаютъ надъ угловатой головой генерала Дитерихса, предупреждая этого, хитраго человѣка.

Какъ бы тамъ ни было-кровавый Приморскій фарсъ оконченъ. Идея монархіи оскорблена и унижена такъ, что этого не могли бы сдѣлать и коммунисты. Около 1.500 труповъ лежатъ на дорогахъ и поляхъ Приморья, безвѣстныхъ, всѣмъ чуждыхъ, которые никогда не увидятъ ни голубой Волги, ни серебряной Камы. Еще большее количество лежитъ ихъ русскихъ противниковъ. Остатки арміи во главѣ съ Михаиломъ Дитерихсомъ идутъ въ Китай. Харбинъ скоро его увидитъ-не захочетъ же маршалъ

Чжанъ Цзо-линъ губить себя, принимая его въ ландскнехты, какъ они всѣ расчитываютъ!

* * *

Какъ пойдетъ армія - я не знаю. Но я видѣлъ сегодня, какъ на синемъ морѣ у Гензана покачивались маленькіе "Тунгусъ" и "Смѣльчакъ". Свыше 400 раненыхъ было на нихъ, и не было пищи. Японцы, корейцы толпились и совали деньги этимъ "анненковцамъ", "уральцамъ", "уфимскимъ стрѣлкамъ"..

Вотъ, вмѣсто Москвы, гдѣ очутились эти честные люди! И неужели тѣ политики, которые получили эти нелѣпыя медали за Земскій Соборъ, не чувствуютъ, какъ они жгутъ имъ грудь?

Во всякомъ случаѣ эта катастрофа, этотъ крахъ національнаго дѣла порвали связь между русскими людьми. Гдѣ же тѣ группы, къ которымъ можно теперь присоединиться?

Ихъ нѣтъ.

И мы должны сознаться:

Революція побѣдила еще разъ.

Гензанъ 25-26 октября
1922 года.

Складъ изданія:
„НАШЪ ПУТЬ“
302-4 The Bund, Tientsin.